

свидетельствовать о божественном свете»). Глагольная форма «сияющий» также совмещает в своей семантике два полярных индивидуально-авторских значения: «несущий смерть, связанный со смертью и вечностью» (сияющий снег, сияющий ад, сияющий гроб, сияющая пустота) и «исходящий из области божественного»¹⁵. Более того, в текстовом пространстве одного стихотворения возможна игра двумя (и более) смыслами, их «перетекание» из одного в другой: «А что такое вдохновенье? – / Так... Неожиданно, слегка / Сияющее дуновенье / Божественного ветерка. / Над кипарисом в сонном парке / Взмахнет крылами Азраил – / И Тютчев пишет без пометки: / “Оратор римский говорил...”» (576). «Сиянье» первой строфы однозначно отсылает к сфере божественного как источнику вдохновенья. Однако его источник во второй строфе – Азраил – оказывается ангелом смерти, в мусульманской мифологии разлучающим душу и тело обреченного человека. В результате авторский ответ на заявленный вопрос подчеркнуто антиномичен, как и семантика ключевого образа.

Итак, рассмотрение концептов в аспекте их взаимодействия друг с другом приводит к необходимости выявления когнитивных структур, или, по терминологии Д. Лакоффа, когнитивных моделей – пропозициональной, метафорической и метонимической. Метафорическая и метонимическая структуры взаимодействия концептов базируются на образных механизмах, поэтому частота обращения к ним в поэтическом тексте вполне естественна.

В основе метафорической модели лежит перенос представления о некоей эмпирически наблюдаемой области на другую, чаще всего абстрактную, принадлежащую к «невидимым мирам». Например, в поэтическом универсуме Г. Иванова «вечность» концептуализируется по модели вместилища. В основе метонимической модели лежит понятие смежности (вместилище – содержимое, субъект – его свойства и состояния). К метонимическому типу относится нами взаимодействие концептов «вечность», «сиянье», «торжество».

Когнитивным структурам приписывается статус форм ментальной организации концептуального пространства, а анализ функционирования этих структур позволяет ответить на вопрос о генезисе индивидуально-авторской символики.

Примечания

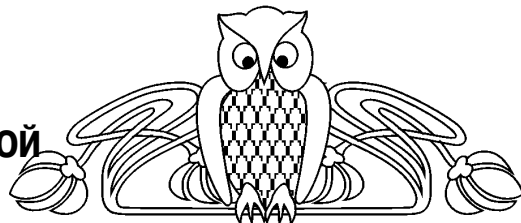
- 1 Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003.
- 2 Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things... What the Categories Reveal About Mind. Chicago – London, 1987. P. 286.
- 3 См., например: Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. М., 2008.
- 4 Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. С. 173–204.
- 5 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 143.
- 6 Никитин М.В. Концепт и метафора // Studia Linguistica-8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. СПб., 2001. С. 32.
- 7 Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- 8 Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 298. Далее стихотворения Г. Иванова цитируются по этому изданию с указанием страницы в тексте статьи.
- 9 См.: Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 456–460.
- 10 Словарь русского языка: В 4 т. М., 1984. Т. 1. С. 71.
- 11 Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / Сост. И.А. Тарасова. Саратов, 2008. С. 42.
- 12 Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 238.
- 13 См. об этом: Новожилова М.И. Парадоксы синтагматики в поэзии О. Мандельштама // Текст. Структура и семантика. Докл. VIII Междунар. конф.: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 113–121.
- 14 Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. М., 1994. С. 81.
- 15 См.: Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / Сост. И.А. Тарасова. Саратов, 2008. С. 161–162.

УДК 811.161.1'42+929Ахматова

СТИЛИЗАЦИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ У А. АХМАТОВОЙ

Т.В. Бердникова

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: syntax2@yandex.ru

Выделяются лексические и синтаксические элементы разговорной речи в поэтическом тексте как особенности стилизации живой речи в лирике А. Ахматовой.

Ключевые слова: стилизация, диалог, поэтический текст.

Stylization of Colloquial Speech in A. Akhmatova's Poetic Dialogue

T.V. Berdnikova

The lexical and syntactic elements of colloquial speech are selected in poetic text as feature of stylization of speech in A. Akhmatova's lyric poetry.

Key words: stylization, dialogue, poetry.

В художественном тексте диалог имеет особую реализацию. Элементы, присущие диалогу в разговорной речи, трансформируются в соответствии с замыслом автора. Проблеме воспроизведения особенностей разговорной речи в художественном тексте посвящено много исследований (работы Т.Г. Винокур, Г.Г. Полищук, О.Б. Сиротининой, М.Б. Борисовой и др.). Специфика функционирования разговорной речи в художественном тексте лаконично охарактеризована в монографии «Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков»: «Художественный диалог <...> по своей природе не является простым воспроизведением живого разговора. В отличие от разговорного диалога, возникающего спонтанно и отражающего неподготовленность речи собеседников и их совместное участие в создании единого текста, художественный диалог возникает под пером писателя, чей голос присутствует и в репликах, и в ремарках, и определяет общую стилистику произведения»¹.

При рассмотрении реализации разговорной речи в художественном тексте исследователями высказывались две точки зрения. Одни из них подчеркивали, что в художественном тексте происходит типизация разговорной речи (Л.С. Ковтун, М.Б. Борисова, Е.А. Малютинина и др.). Типизация при этом предполагает привлечение автором таких конструкций и введение такой лексики, которые типичны для живой разговорной речи. Другие исследователи (О.Б. Сиротинина, Г.Г. Полищук, Т.Г. Винокур и др.) квалифицировали разговорную речь в художественном тексте как стилизацию особенностей живой речи, т.е. вкрапление в художественный текст отдельных примет разговорной речи для создания впечатления разговорности: «Воспроизведение разговорной речи в художественном тексте исполняется как стилизация, а не копирование, и, следовательно, в нем участвует стиливая имитация, стиливое перемещение, стиливое пародирование»².

В последние десятилетия эти две точки зрения сблизились и сторонники обеих названных позиций признают в художественном диалоге и отражение реальных (типичных) закономерностей разговорной речи (Сиротинина, 1996), и эстетизацию этих законов – подчинение их особым художественным задачам произведения (М.Б. Борисова, 2007). При этом, как справедливо указывает О.Б. Сиротинина, «типичные для разговорной речи черты используются писателями

как сигналы разговорности, но с этой целью могут привлекаться и «не только типичные для разговорной речи элементы», выступающие как «особые художественные приемы, создающие впечатление разговорности» (например, черты порядка слов) и выполняющие «характеризующую функцию»³. Именно этой точки зрения придерживаемся и мы, используя термин «стилизация».

Художественный диалог допускает возможность использования книжных слов и оборотов речи (традиционные художественно-образительные средства, метафоры, сравнения, экспрессивно-оценочная лексика, причастные, деепричастные обороты и др.). Такой диалог является художественно оформленным, его суть – «в очень большой заботе о форме выражения, ибо в нем писатель одновременно передает и движение сюжета, и речевые характеристики, создающие образы персонажей, и впечатление естественности их речи»⁴.

В естественном диалоге в разговорной речи говорящие не заботятся о форме выражения, для них важна только информация, эмоциональная наполненность высказываний. При этом возникающее недоумение всегда можно разрешить благодаря общности ситуации, собеседники могут переспросить друг у друга – они находятся в равноправных отношениях, поэтому их диалог двунаправлен. Диалог в художественном тексте однонаправлен, он исходит от автора произведения, который, подчеркивая характер ситуации или особенности речевого стиля персонажей, если и прибегает к неясности диалога, то подчиняет ее осознанной цели. Для стилизации живого диалога автор использует не только типичные черты разговорной речи, но и другие сигналы разговорности, «особые художественные приемы, создающие впечатление разговорности» (Сиротинина, 1996).

Диалогическая структура является одним из способов передачи разговорной речи в поэзии. Мы обратимся к рассмотрению ее воспроизведения в поэтическом диалоге у А. Ахматовой.

Диалогам у А.А. Ахматовой присущи такие признаки живой речи, как непреднамеренность и ситуативность, для стилизации которых она использует разговорные элементы на лексическом и синтаксическом уровне.

Имитация разговорной речи проявляется в привлечении разговорной лексики. Разговорной принято считать лексику, получившую «окраску непринужденности вследствие функциональной связи с неофициальной, преимущественно устной речевой сферой»⁵. Она неоднородна «по экспрессивно-эмоциональной окрашенности и степени сниженности» (Там же. – Т.В.). Сниженная лексика в художественном диалоге представлена и жаргонными, и просторечными словами.

Определение стилистической природы слов дается нами с опорой на «Толковый словарь русского языка» С.Н. Ожегова и Н.Ю. Шведовой

(2000) и Словарь современного русского литературного языка (БАС).

В диалогах у Ахматовой представлена активная и последовательная стилизация разговорной речи в речи поэтической, которая характеризует ее поэзию как максимально приближенную к живой речи. Диалоги у А. Ахматовой не лишены сниженных слов, употребление которых вводит диалог в формат живой речи, характеризующейся спонтанностью. Так, лексемы, имеющие помету «разговорное», придают реплике высокую степень эмоциональности (например, «дурак», «шарлатан», «вопли», «каркать» в переносном значении и др.): «Ты сказал мне: “Иди в монастырь/ Или замуж за **дурака**”»⁶ (1, 16).

Лексема «дурак», имеющая помету «разговорное, сниженное», передает снисходительное отношение говорящего к лирической героине. Создается иллюзия разговорной речи, а также представлен речевой портрет собеседника. Сниженное слово повышает экспрессию высказывания и желание воздействовать на адресата.

Для придания диалогу характера разговорности используется сокращение лексемы, принятое в разговорной речи. Так, вместо названия города Петербург употребляется *Питер*, разговорность создается и обращением к воображаемому адресату по признаку, выраженному прилагательным (старый): «Здравствуй, **Питер!** Плохо, **старый!**/ И не радуется апрель» (2, 38).

Среди разговорных элементов на синтаксическом уровне в поэзии А. Ахматовой активны начинательные союзы, междометия, указательные местоимения и частицы.

Использование слов, отмеченных пометой «просторечное», в непрямом значении также усиливает экспрессивность высказывания. Эмоциональность реплике собеседника придает лексема «каркать», имеющая метафорическое значение «предсказывать неблагоприятный исход чего-либо, неудачу, несчастье и т.п.» (БАС, 5): «Старый друг бормочет мне: “Не **каркай!**/ Мы ль не встретим на пути удачу!”» (1, 76).

Лексема, не характеризующаяся в словаре как «разговорное», но имеющая оценку (как правило, отрицательную), привлекается в качестве элемента стилизации разговорной речи в поэзии А.А. Ахматовой. Так, использование лексемы «шарлатан» в контексте стихотворения придает тексту сниженный, разговорный характер: «Какая есть. Желая вам другую –/ Получше. Больше счастьем не торгую./ Как **шарлатаны** и оптовики.../ Пока вы мирно отдыхали в Сочи./ Ко мне уже ползли такие ночи./ И я такие слышала звонки!» (1, 216).

В поэзии А. Ахматовой широко распространены диалоги с инициальными союзами *и, а, но* – так называемыми «начальными сигналами» (Фрайдхоф, 1995), передающими «перехват инициативы речевым партнером»⁷. Такие союзы выполняют роль введения высказывания, а также несут эмоциональную нагрузку: «А вдруг, погля-

девши в лицо мое/ И вспомнив Бог весть о чем./ Воскликнул: “А я за песни ее,/ В которых мы все живем!”» (1, 242).

Реплика представлена как эмоциональный выкрик, передающий реакцию на внутренние размышления самого персонажа. Союз *а* вводится с целью противопоставления реплики персонажа другим репликам, противопоставления лирического героя, описания его внутреннего мира.

Часто союз, который начинает прямую речь, используется в функции междометия и полностью имитирует ситуацию разговорного диалога. Так, учитывается элемент узнавания при встрече: «А! Это снова ты. Не отроком влюбленным./ Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным/ Ты в этот дом вошел и на меня глядишь» (1, 77).

Следует отметить, что по своей сути все диалогические отрывки представляют собой речевые акты эмоционального воздействия (Эмотивный код языка и его реализация, 2003), для которых обязательно наличие слушающего. Союз может выражать эмоции героев: «А ты думал – я тоже такая./ Что можно забыть меня/ И что брошусь, моля и рыдая./ Под копыта гнедого коня» (1, 164).

Важную роль в стилизации живой речи в поэтическом тексте играют конструкции с вводными словами. Они выражают различные модальные значения – уверенность/неуверенность, возможность/невозможность происходящего: «И она на луг глядела вешний./ Пальчиками чистя апельсин./ Улыбнулась: “**Верно**, вы не здешний?!” / И ушла, отдав мне взгляд один» (1, 7). Ср. также: «И голос мой – и это, **верно**, было/ Всего страшней сказал из темноты...» (1, 262).

Разговорной речи свойственна фразеологизированность. В лирике А. Ахматовой стилизация разговорного диалога также достигается за счет передачи фразеологизированных конструкций, которые по своей сути экспрессивны: «И скучно оно и богато./ То сердце... Богатство тая!/ Чего ж ты молчишь виновато?! **Глаза б не глядели мои!**» (1, 240).

Таким образом, диалоги в поэзии Ахматовой широко отражают черты разговорной речи благодаря сниженной, разговорной лексике и синтаксическим особенностям разговорной речи. Наиболее характерными чертами разговорности в поэзии А. Ахматовой являются спонтанность, неподготовленность высказывания, высокая эмоциональность реплик.

У А. Ахматовой диалоги максимально приближены к разговорной речи. Это связано со стремлением к передаче внутреннего мира героев, их чувств не описательно, а посредством их собственной речи. Такое свойство поэзии Ахматовой сближает ее с драматургическим текстом.

Примечания

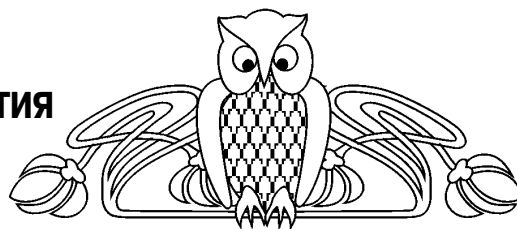
¹ Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008. С. 415–416.

- ² *Винокур Т.Г.* Воспроизведение особенностей разговорной речи в художественном тексте (к построению типологии приема) // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984. С. 41–42.
- ³ *Сиротинина О.Б.* Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: Пособие для учителя. М., 1996. С. 157.
- ⁴ *Полищук Г.Г., Сиротинина О.Б.* Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 192.
- ⁵ *Скляревская Г.Н., Шмелева И.Н.* Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 94.
- ⁶ Здесь и далее стихотворения цитируются по следующему изданию с указанием тома и страницы: *Ахматова А.А.* Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1990.
- ⁷ *Фрайдохф Г.* Служебные языковые средства в структуре славянского диалога. Мюнхен, 1995. С. 39.

УДК 811.111'37

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

М.Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: marinaugustina@mail.ru

В данной статье рассматривается роль тематического контекста в исследовании исторического развития семантики лексических единиц. Предметом анализа является функционирование лексем морально-этической сферы в средневековом английском религиозном дискурсе.

Ключевые слова: историческое развитие, тематический контекст, лексика, религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

Thematic Context as a Unit of Investigation of the Historical Development of the Semantic Structure of Words

М.У. Kolokolnikova

This article deals with the role of thematic context in the investigation of historical development of semantic structure of words. The analysis focuses on the functioning of moral-ethical lexis in the English medieval religious discourse.

Key words: historical development, religious discourse, moral-ethical sphere.

В рамках исторической лексикологии особое внимание всегда уделялось анализу конкретных контекстов употребления изучаемых слов. Б.А. Ларин, например, подчеркивает, что «объектом лексикологии, строго говоря, является не слово, а тексты, в которых мы вычленим искомое слово и путем широкого сопоставления большого количества текстов изучаем те изменения, которые происходят в его знаковой (звуковой) и в его смысловой стороне». Н.А. Мещерский, приводя эти слова в своей статье «Критические заметки по русской исторической лексикологии», сопровождает их следующим комментарием: «Об этом нужно непрестанно помнить всем изучающим историческую лексикологию»¹. Сходные мысли

находим и у многих других авторов: «Слово в контексте, слово, всесторонне изученное в отношении его внешней и внутренней формы, приобретает особенно большое значение в современной исторической лексикологии»²; «Нет и не может быть другой методики изучения значения слова древнего языка, кроме изучения всех случаев его текстового применения»³.

В последнем случае представляется необходимым только добавить, что подобная методика, связанная с тщательным анализом всей суммы контекстных употреблений слова, может быть использована не только при определении его значения на том или ином этапе исторического развития, но и при изучении самого хода этого развития и его основных механизмов, тем более что в действительности синхронный (статический) и диахронный (динамический) подходы постоянно взаимодействуют самым тесным образом. На синхронном уровне, т.е. в состоянии уравновешенной системы, может быть рассмотрен довольно длительный период времени вплоть до столетий, тогда как сравнительно короткий отрезок может дать больший исторический сдвиг при рассмотрении языка в развитии, в диахронии.

В данной связи естественно встает вопрос не только о границах подобных контекстов и критериях их отбора, но также и об их природе. Прежде всего отметим, что во многих работах, посвященных исследованию эволюции значения лексических единиц, речь идет главным образом о контексте синтаксической конструкции, в рамках которой слово реализует свои лексические и синтаксические связи. При этом основу изменения семантической структуры слов обычно видят в первую очередь в изменении их лексической и грамматической сочетаемости. Подобный подход, безусловно, играет весьма важную роль в изучении собственно лингвистических механизмов